

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**ТЕНЬ
ЗА СТЕНОЙ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Тень за стеной / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-229666-6

Директор детского дома поручает Кольке Пожарскому отвезти важные документы секретарю райкома Савушкину. Войдя в незапертую дверь, Колька не застаёт хозяина дома, зато слышит в соседней комнате шум борьбы, после чего кто-то выпадает из квартиры на улицу. Колька бросается к окну и видит лежащую внизу дочь Савушкина Лизу, с которой дружил. Парень понимает, что его могут заподозрить в преступлении. Он вызывает по телефону милицию и спешит покинуть страшное место. Напуганный и растерянный, Пожарский машинально хватает стоящую на столе фигурку танцующего человечка в маске. Он еще не знает, сколько бед принесет ему и его близким эта безобидная с виду вещица...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229666-6

© Шарапов В., 2025
© Оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

1945 год. Дрезден

Весна царит в небе, высоко бегут тучи, и синева в разрывах прямо ангельская: высокая, чистая, свежая до опьянения.

А внизу — холодно и мертво. Земля в руинах, сплошной битый камень. Висит над землей перина вонючей взвеси, несет гарью, горелым мясом. Зато налетов давно не было, канонада стихла, лишь время от времени рявкали одиночные выстрелы.

Трофейная команда разбирала развалины дворца. Долгое время в нем обитали разного рода скопидомы, курфюрсты и князья, стаскивая к себе награбленное у трудового крестьянства и работающей молодой буржуазии.

После того как союзники «отутюжили» город, от дворца осталась половина, часть стен обвалилась. Попутно выяснилось, что гитлеровцы многое успели вывезти и рассовать где-то по «крысиным норам». Однако кое-что и оставалось: хрустели под сапогами осколки простого стекла, богемского хрусталя, саксонского фарфора.

Саперы уже прошли, но предупредили, что могут быть сюрпризы. Для подстраховки запустили первыми штрафников. Кто что находил, тащил к импровизированному столу — это была дубовая княжеская дверь на рабоче-крестьянских козлах. За ними стоял капитан из культурной комиссии, высокомерный красавец бегло осматривал находки, бычась через пенсне, и выносил приговор: что-то без малейшего почтения отправлялось на выброс, в тачки, вместе с боем и щебнем, что-то капитан указывал упаковывать в ящики. И все-все записывал в толстую тетрадь. Он работал, не отвлекаясь, не поднимая глаз, лишь в какой-то момент позвал:

— Зимин, замените.

Подошел старшина, занял его место, а капитан снял пенсне, потирая переносицу, размял плечи, шею и прошел, якобы гуляя, с улицы в музейный зал. Стена обвалилась, и помещение было открыто для всех. Когда-то тут было красиво и таинственно, теперь же только красиво, правда местами. Сохранившиеся стены были отделаны мерцающим зеленым мрамором, а колонны, подпирающие чистое небо, — русским малахитом и лепниной с позолотой. Даже некоторые экспонаты частично сохранились. Били, как птицы крыльями, гобелены, изрезанные полотна. Из груди боя торчал ангел с прекрасным лицом и отбитым крылом, глядя искательно в небо и пытаясь высмотреть того, кто его оттуда сбросил.

Капитан подошел к месту, где стена обрушилась, а огромное зеркало устояло, даже полотно не треснуло. Остановился, ощупал тяжелую позолоченную раму, рассмотрел свою собственную персону, провел рукой по щеке, как бы проверяя, не пора ли бриться, вынул гребень, пригладил волосы и лишь после этого направился к одному из штрафников, работавшему на отдалении от остальных. По мере того как приближалось командование, он махал лопатой все старательнее, поднимая вокруг себя густую пыльную завесу. Здоровенный, кудрявый, бровастый и весь черный как из трубы, только белки блестят и зубы.

Капитан, разогнав пыль ладонью, похлопал его по плечу:

— Ну-ну, выдохни.

Тот моментально выпрямился и браво козырнул:

— Слушаюсь!

— Вольно. Кто таков?

— Рядовой Васильев, пятьдесят шестая отдельная штрафная!

— Васильев, значит. И небось Вася?

— Так точно!

— Статья?

— Сто седьмая, сто шестьдесят вторая!

— Оно и видно. Сейчас что стащил, Вася?

— Не могу знать!

— Подскажу. Что в вещмешок спрятал?

¹ Ст. 107 — спекуляция, 162 — кражи.

— Когда?

— Только что.

Васильев уже нагло, без малейшей тени смущения, отпрапортовал:

— Никак нет, ничего не прятал! Согласно приказу, упаковал подручные материалы, чтобы представить...

— Достаточно! Открывай мешок!

Там лежала уйма золота: часы курфюрста саксонского Иоганна, табакерка Кристиана Первого, несколько помятых, но, несомненно, золотых бокалов. Были и мелочи: подстаканник, пуговица, шкатулка — закрытая обыкновенная шкатулка с медными накладками по углам.

— Откройте! — приказал капитан.

— Никак не смогу, ключей нет.

— Я не спрашиваю, есть ключи или нет. Откройте!

Васильев вынул из-за воротника булавку, ковырнул крышку, и она открылась. На синем бархате лежали фигурки — какие-то аляповатые и уродливые, и все в масках: старик с бородой клинышком подбоченился, будто ему все должны, и выставял из камзола свое бледное пузо. Важный пузан в черном балахоне — длинном, но распахнувшемся на выпуклом животе. Еще один — кривой, в зеленом и желтом одеянии, с высунутым языком и дурацкой хитрой рожей. Лишь одна из всех была красавицей в цветастом, бессовестно открытом платье, да еще и ножку перламутровую выставила.

Все по-своему уродливые, в цветастых одеждах, и у всех одинаковые туловища — светлые, и в каждом что-то темное. У кого капля нефти застыла, у кого едва видная муть, как смола подо льдом, или темная «родинка» над грудью.

Все это капитан осмотрел, оценил и похвалил:

— Хороший вкус, Вася Васильев.

Вася осторожно признался:

— Красиво же.

— Не золото, а все равно красиво?

— Видно, что старались люди, — согласился

Вася.

Он что-то еще хотел сказать, но промолчал, наткнувшись на ласковый и ожидающий взгляд капитана.

— Ну что же ты? — улыбнулся капитан. — Неужто придется обыскивать?

Васильев, вздохнув, вынул из-за пазухи еще одного уroda — «родственников» уже имеющихся. Это был Арлекин, весь в красных, желтых, зеленых, черных лоскутах. Шутовская шапка набекрень, и лицо жуткое: в прорезях полумаски белая глазурь, пустая, без зрачков, рот растянут в мертвой улыбке, между ног — лихой конь на палочке.

— И какой цыган пройдет мимо лошади, да, Вася?

Васильев что-то забормотал, и капитан слушал, с пониманием кивая, лишь однажды спросил по-отечески:

— Тебя за что сюда спустили?

Тот обрадовался вопросу, зачастил:

— Да ни за что! «Языку» шею свернул, случайно же! И сейчас, гражданин капитан, я нечаянно, бес попутал!

Он продолжал оправдываться, бубнил что-то себе под нос, а капитан, слушая, извлек пистолет, потер о рукав, как бы стирая пыль, и, продолжая внимать объяснениям и кивая, неуловимым, мягким движением захватил локтем Васину шею, притянул его к себе, лоб в лоб, и вполголоса проговорил, словно читал по написанному:

— На основании директивы Военного совета Первого Украинского фронта об усилении борьбы с мародерством в прифронтовой полосе, за хищение культурных ценностей, имеющих государственное значение, в условиях боевых действий штрафник рядовой Васильев подлежит расстрелу. Подпись: капитан Савушкин Эл Дэ.

Дуло уткнулось в пустое брюхо, боль привела в чувство, и Васильев дернулся, но капитан держал его намертво. И тут жажнуло. Брызнула зеленая крошка, осыпалось старое зеркало, и лишь затем пришел гул — тяжелый, вязкий, разрывающий барабанные перепонки — и послышался взрыв.

Капитана швырнуло вперед, они столкнулись головами, и Васильев увидел, как у того брызнула кровь из глаз, из носа.

Раздался второй взрыв. Васильев рухнул бревном, вжался в землю. Кто-то издалека, словно с того света, вопил: «Накрыли! Минометы!»

...Василий очнулся от тишины. Ее не должно было быть, так как кругом что-то происходило, что-то шумное, только он ничего не слышал. Открыл глаза, спихнул с себя труп — тот отвалился, да еще мягко лег, раскинув руки, — потом сел, попытался осмотреться и снова чуть не рухнул, потому что сильно кружилась голова и тошнило.

А вокруг — никого из живых...

Вася быстро, воровато перекрестился и занялся капитаном: забрал пистолет, красноармейскую книжку, нашел немного денег, сдернул с вялого запястья часы.

Вроде все, пора рвать когти. Он нашел свой вещмешок с расстрельным золотом, вытряхнул — ну его! И вдруг увидел шкатулку — она валялась поодаль, и фигурки поблескивали в пыли. Немного поколебавшись, Вася собрал игрушки, сложил в мешок и золотишко. Нельзя золото бросать. Золото — это фарт, золото — это бахт. Золото всегда выручит...

...В комнате было натоплено, но под кожу лез холод. Печь тут была, но решили не топить — печи часто минируют, — поэтому бойцы приволокли буржуйку и вывели трубу в окно.

Капитан Красницкий Александр Иванович, особист, сидел у буржуйки, держа ладони над чугуном, а то и прижимая их к нему, чтобы прожгло до костей, чтобы вспухли ожоги — боль отвлекала. Глотнул из фляги еще и еще, скривился, потянулся

за хлебом — и под руку подлезло проклятое письмо. И снова он его зачем-то взял, грубый лист, от которого пахло так нежно, так знакомо, отчего все внутри сжималось. Но каждое слово прошивало насквозь: «я устала, устала», «не прошу прощения», «со Львом родственные души», «твоя грубость, и, извини, ты стар»...

«Дура душистая, свинья в чулках! А Лев — сопляк смазливый, культурный подлец, потаскун! Выручал его, прикрывал, не раз спасал от смерти, ташил раненого из-под обстрела — а он вон как отблагодарил».

Красницкий выпил еще раз, вынул из кобуры вальтер, запихал его в рот и упер дуло в небо. «Сейчас. Сейчас. Надо держать повыше, чтобы наверняка...» От того, что нажал не туда, от масла и холода затошнило, желудок извергнул скудное содержимое.

Снова влил в себя из фляги, снова потянул дуло в рот — но тут в фанеру, закрывающую окно, постучали:

— Товарищ капитан, разрешите войти?

— Сейчас открою! — сипло выкрикнул Красницкий, быстро приводя себя в порядок, и открыл.

От недосыпа, коньяка и после рвоты он всегда тупел, потому из доклада понял немного. Когда бойцы вышли, Красницкий рассмотрел приведенного к нему человека внимательнее: цыганистый, закопченный, оборванный, гимнастерка в крови.

Наверняка контуженый — взгляд плавающий, на вопросы отвечает невпопад, щурится, курчавой головой трясет.

Особист сфокусировал глаза, снова раскрыл красноармейскую книжку и прочел. Удивился — не то слово. Прочел еще раз, потом поднял глаза на «контуженого» и спросил:

— Это ваши документы?

— А? — гаркнул тот.

Красницкий повысил голос и с расстановкой повторил:

— Это. Ваши. Документы?!

— А! Да-да.

Особист, рассматривая его как диковину, решил еще раз уточнить:

— То есть вы Савушкин, Лев Давыдович?

— Так точно, я.

Тут Савушкин увидел, как у офицера начал дрожать рот и тот вдруг расхохотался во весь голос, хохотал до слез, держась за живот и шлепая по столу ладонью. Успокоившись и утерев глаза, капитан взял со стола какую-то бумажку, бросил ее в печь. Вороша кочергой, он глянул через плечо и помотал головой:

— А ведь сейчас тебе чертовски фартануло, ромалэ.

Чернявый, отбросив фиглярство, понял все правильно и тотчас взял деловой тон. Кивнув на мешок, он сказал с невыразимой наглостью:

— Так вон золото. Оно всегда к фарту.

— Ах, золото, говоришь. — Особист поднялся и потянулся, ощущая, как бодрее забегала по жилам кровь. — Ну, что там у тебя? Выкладывай!

Стали вдвоем выгребать монеты, одна к одной: темные, тертые, с профилями носатых буржуев и диковинными зверями. (Красницкий взял одну, потер между ладонями — пошло живое тепло, полилось по жилам.) Затем выставляли часы, табакерки, бокалы — все туда же, в кучу, которую надлежало описать и сдать. Наконец Красницкий без особого почтения вытряхнул на стол фигурки — уродливые, аляповатые, пестрые, причудливые и при этом притягивающие к себе. Разные — кто пузатый, а кто и надутый, кто развеселый до глупости, кто глупый до веселости, кто с мощной, кто в мантии, — но у всех одно общее: туловища белые с перламутром, и у каждого, если присмотреться, какие-то черные крапины.

Красницкий взял одну, которая изображала девушку с голой ногой. Ну, положим, сделано ловко, но тащить все это в Союз?! Место им, в лучшем случае, на пианино, рядом со слонами «на счастье», хотя такие шуты не всякому по вкусу. Для музея разве что, для любителей хлама, которые собирают всякую чертовщину...

— Где взял уродов? — спросил особист.

— А я знаю? Да валялись в шкатулке, под стеной, я и подобрал. Может, тоже ценные.

— «Может», «не знаю», — передразнил Красницкий, все еще благодушествуя, — а ты разве не

ТЕНЬ ЗА СТЕНОЙ

музейщик, не искусствовед? Кой ляд тебя трофейной командой направили командовать?

Тот мигом заткнулся, развел руками.

— Ладно, — Красницкий свалил фигурки обратно в мешок и сказал: — ценные... на блошином можно будет на бутылъ поменять, если такой дурак найдется. Золото я у тебя реквизирую, все по описи, по акту, с печатями. А этих — кивнул он на фигурки, — хочешь, забирай. Толкнешь, когда очухаешься.

В общем, княжеское золото Красницкий изъясил, оставив мелочь без внимания.